

Впечатлѣнія великаго князя Константина Павловича, вынесенныя имъ изъ поѣздки въ Германію въ 1824 году ¹⁾.

Въ бумагахъ канцлера Нессельроде, среди разнообразныхъ документовъ, представляющихъ выдающійся интересъ съ точки зрѣнія дипломатіи, сохранилось донесеніе великаго князя Константина Павловича, представленное имъ Императору Александру I въ исходѣ 1824 г., по возвращеніи изъ-за границы, куда онъ сопровождалъ свою супругу, княгиню Ловичъ, на воды въ Эмсъ.

Записка эта, въ которой великій князь излагаетъ своему августѣйшему брату вполне откровенно наблюденія, сдѣланныя имъ въ Германіи относительно тогдашняго положенія страны и господствовавшаго въ ней духа, имѣетъ, помимо общаго интереса, большое значеніе для характеристики Константина Павловича.

Несдержанный, вспыльчивый, крайне самолюбивый и щепетильный въ вопросахъ виѣшняго этикета, человѣкъ твердыхъ монархическихъ принциповъ, врагъ либеральныхъ идей и всякихъ „зловредныхъ доктринъ“, очутившись за границей въ то время, когда либеральное движеніе въ странѣ росло и сказывалось въ массѣ самыхъ разнообразныхъ проявленій, находя отзвукъ даже во взглядахъ нѣкоторыхъ коронованныхъ особъ, Константинъ Павловичъ, весьма естественно, нашелъ многое не соответствующимъ своимъ взглядамъ, тѣмъ требованіямъ, какія онъ предъявлялъ къ службѣ, и тѣмъ поня-

¹⁾ Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1850. Paris. (Note du grand duc Constantin à l'empereur Alexandre. Varsovie, 23 novembre 1824).

тіямъ, въ которыхъ онъ выросъ, и яркимъ представителемъ коихъ онъ оставался неизмѣнно, до конца жизни. Его собственная личность ярко выступаетъ въ тѣхъ замѣчаніяхъ, которыми онъ сопровождаетъ свои наблюденія, или передаетъ тотъ или иной разговоръ,—онъ въ нихъ весь, какъ живой.

Въ трехъ миляхъ отъ Эмса, гдѣ великій князь прожилъ довольно долго, находится Кобленць, крѣпость, которая въ то время заново перестраивалась и укрѣплялась пруссаками. Грандіозныя фортификаціонныя работы, изъ которыхъ пруссаки не дѣлали тайны, привлекали въ Кобленць массу посѣтителей, преимущественно изъ числа лицъ, съѣхавшихся на воды въ Эмсъ, для которыхъ крѣпость стала излюбленнымъ мѣстомъ прогулокъ.

Отсутствіе всякихъ стѣсненій при посѣщеніи крѣпости и осмотровѣ ея сооруженій поразило великаго князя, и онъ, какъ бы въ видѣ безмолвнаго протеста противъ того, что онъ считалъ кичливымъ тщеславіемъ со стороны прусскаго правительства, долго демонстративно воздерживался отъ посѣщенія Кобленца.

„Крѣпость доступна всѣмъ и каждому“, пишетъ великій князь. „Осмотръ разрѣшается иностранцамъ, всѣмъ безъ исключенія, безъ всякихъ ограниченій; отсутствіе стѣсненій въ этомъ отношеніи можетъ быть объяснено лишь тщеславіемъ прусскаго правительства, которое какъ бы хотеть этимъ сказать всему міру: *наша крѣпость такъ неприступна, что мы не боимся постороннихъ наблюдателей; она такъ сильна, что мы не боимся угрозъ: чѣмъ больше ее будутъ знать, тѣмъ болѣе убѣдятся въ томъ, что благодаря возведеннымъ нами укрѣпленіямъ, крѣпость стала неприступна*“.

„Не умѣя иначе объяснить себѣ этотъ фактъ, ибо доступъ въ крѣпость такъ легокъ, что это кажется утрированнымъ и дѣлается какъ бы умышленно, я счелъ нужнымъ сдѣлать видъ, что она меня совершенно не интересуетъ, и на неоднократно предложенные мнѣ вопросы, почему я не ѣду посмотрѣть на эти любопытныя работы, которыя должны бы особенно интересовать всякаго военнаго, я отвѣчала одно: *еще успею* .“

Я зналъ, что всякій пріѣзжій, всякій, кому это интересно, могъ, давъ на чай первому встрѣчному солдату или рабочему, побывать всюду, осмотровѣть самымъ подробнымъ образомъ не только внѣшнія укрѣпленія Эренбрейтштейна и прочихъ фортовъ, соединенныхъ съ нимъ новыми сооруженіями, но могъ видѣть бастіоны, подземелья, казематы, магазины и т. д., словомъ, все заслуживающее вниманія. Я убѣдился въ этомъ, отправившись однажды въ Кобленць инкогнито, со своимъ адъютантомъ, полковникомъ Турно; мнѣ удалось, не

обращаясь ни къ кому, безъ труда удовлетворить свое любопытство, и я былъ крайне удивленъ тѣмъ, какъ безопасно несется служба въ крѣпости; самые важные посты не были заняты, даже артиллерійскіе снаряды, наваленные въ величайшемъ безпорядкѣ, никѣмъ не охранялись; всюду можно было свободно пройти, у магазиновъ и складовъ не было часовыхъ, и крѣпость также легко можно было бы поджечь, какъ нетрудно человѣку произвести пожаръ въ своей собственной квартирѣ, когда онъ находится въ ней одинъ, если бы ему пришла подобная фантазія.

Генераль Тильманъ, жившій по обязанности въ Кобленцѣ, удивленный, иля, быть можетъ, даже задѣтый моимъ видимымъ равнодушіемъ, явился однажды ко мнѣ въ Эмсъ съ президентомъ провинціи, г. Ингерслебеномъ, чтобы засвидѣтельствовать мнѣ, какъ онъ выразился, свое почтеніе, и, между прочимъ, предложилъ мнѣ осмотрѣть фортификаціонныя работы, любезно присовокупивъ, что онъ все ожидалъ на этотъ счетъ моихъ приказаній. Я отвѣчалъ, что какъ иностранный офицеръ, я не позволилъ бы себѣ осматривать крѣпость, что я считалъ даже неудобнымъ высказать подобное желаніе, но коль скоро онъ дѣлаетъ мнѣ честь и самъ предлагаетъ это, я охотно пріѣду. Онъ просилъ меня назначить день и часъ; послѣ нѣкотораго колебанія, я назначилъ довольно дальній срокъ, желая этимъ еще болѣе подчеркнуть, что я не особенно спѣшу. Дѣйствительно, я рѣшилъ быть въ Кобленцѣ, въ то время, когда туда ожидали, какъ мнѣ было извѣстно, принца Оранскаго съ супругою, великой княгиней. Я провелъ въ Кобленцѣ три дня, въ теченіе которыхъ комендантъ крѣпости, генераль Гофманъ, начальникъ инженеровъ и генераль Астеръ, самымъ подробнымъ образомъ показали мнѣ работы и все заслуживающее вниманіе.

Не мое дѣло входить здѣсь въ оцѣнку Кобленца, какъ военной крѣпости, или говорить о томъ, соотвѣтствуютъ ли производящіяся въ немъ работы строгимъ требованіямъ обороны, я не считаю себя для этого достаточно компетентнымъ судьей, но что эти работы исполняются великолѣпно, это видно съ перваго взгляда. Всѣ облицовки, сдѣланныя изъ тесанаго камня, такъ великолѣпны и повидимому такъ прочны, что онѣ навѣрно устоятъ противъ усилій людей и времени. Это монументальныя сооруженія, которыя можно сравнить лишь съ самыми величественными постройками древности. Отдѣлка всѣхъ частей не менѣе роскошна и изыскана, какъ и все остальное; во всякомъ случаѣ это будетъ прекрасный, величественный памятникъ, завѣщанный отдаленному потомству.

Вотъ что мнѣ передавали о кратковременномъ пребываніи князя Меттерниха въ Кобленцѣ, гдѣ онъ былъ проездомъ. Тотчасъ по его

пріѣздѣ, ему представлялись начальники отдѣльныхъ частей; онъ принялъ ихъ съ самой изысканной вѣжливостью, но все замѣтили, что онъ не сказалъ ни слова генералу Пфулю и не пригласилъ его даже къ обѣду. Генералъ былъ такъ огорченъ столь холоднымъ пріемомъ, что немедленно уѣхалъ въ Нассау и, посѣтивъ проживающаго тамъ бывшаго министра Штейна, горько жаловался ему.

Король Виртембергскій условился съ наслѣднымъ принцемъ Нидерландскимъ встрѣтиться въ Кобленцѣ, на обратномъ пути изъ Франціи. И дѣйствительно, его величество пріѣхалъ туда почти одновременно съ принцемъ Оранскимъ, за нѣсколько часовъ до пріѣзда великой княгини. Несмотря на холодность и сдержанность нашихъ политическихъ отношеній, я счелъ долгомъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Онъ принялъ меня любезно и радушно, со свойственной ему, вамъ извѣстной, манерой обхожденія. Я подмѣтилъ, однако, что онъ питаетъ въ душѣ глубокое озлобленіе и какія-то заднія мысли, которыя онъ въ пылу разговора невольно выдалъ. Онъ пошутилъ на счетъ того, что я счелъ долгомъ явиться къ нему въ полной парадной формѣ; я сказалъ на это: „Я знаю, Ваше Величество, что Вы оказали бы мнѣ милостивый пріемъ, въ какомъ бы видѣ я ни явился къ Вамъ, но народъ, который видѣлъ, что я ѣхалъ къ Вашему Величеству, долженъ знать, что я оказываю монарху подобающія ему почести“.

Король спросилъ, имѣю ли я извѣстія отъ великаго князя Михаила Павловича и его супруги, и дружно ли они живутъ. Я отвѣтилъ, что давно не имѣлъ отъ нихъ писемъ, что они живутъ, я думаю, дружно, и что иначе я себѣ и представить не могу.—Вамъ говорили, быть можетъ, продолжалъ король, что я старался склонить великаго князя Михаила къ этому браку. Ничего подобнаго; я въ это дѣло не мѣшался; но я доволенъ, что моя племянница пристроилась и можетъ жить вдали отъ отца.

Король оживился и наговорилъ мнѣ по адресу своего брата самыя невѣроятныя вещи; нѣтъ того эпитета, которымъ онъ его не заклеилъ, обвиняя его въ томъ, что онъ поддерживаетъ сношенія съ людьми самой подозрительной репутаціи. На это я возразилъ, что если онъ желаетъ, чтобы я говорилъ съ нимъ, какъ съ монархомъ, то я буду говорить такъ, какъ повелѣваетъ мнѣ долгъ почтительности; если же онъ разрѣшаетъ мнѣ говорить съ нимъ, какъ двоюродный братъ и бывший зять, то я скажу правду, какъ я ее понимаю. Онъ дружески пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что просить меня говорить безъ обиняковъ.

— Въ такомъ случаѣ, я скажу, государь, что если бы я имѣлъ несчастье имѣть такого брата, какимъ вы описываете принца

Павла, давая себѣ отчетъ въ его проказахъ и недостаткахъ, и не говорилъ бы объ этомъ при постороннихъ.

— Полноте, сказалъ король, онъ не заслуживаетъ того, чтобы его щадили. Представьте себѣ, этотъ негодяй хочетъ развестись съ женою и вступить въ бракъ съ женою одного англійскаго генерала, матерью шестерыхъ дѣтей, которую онъ хочетъ развести съ мужемъ.

— Я не стану судить принца Павла, сказалъ я, въ отношеніи того, что не можетъ быть мнѣ извѣстно; но можете ли вы отказать ему въ разводѣ, коль скоро вы сами развелись, чтобы устроить свою жизнь счастливѣе?

— Братъ всецѣло виноватъ въ возникшемъ семейномъ разладѣ, возразилъ король; я былъ связанъ съ женою только тѣмъ, что она носила мое имя, но я не жилъ съ нею.

— Вы обвинялись съ нею и признали ее своей законной женою передъ Богомъ и закономъ; съ этой минуты она была вашей женою, остальное—тайна, которую никто не можетъ знать. Во время вашего перваго брака вы сами не слыли образцомъ супружеской вѣрности. Вы не можете ни въ чемъ упрекнуть своей супруги, и однако вы развелись съ нею, а теперь вы готовы помѣшать своему брату развестись съ женщиной, которая со своей стороны, быть можетъ, во многомъ виновата передъ нимъ. По-моему, это несправедливо.

— Мой братъ, возразилъ король, самъ подалъ поводъ къ тому, въ чемъ онъ обвиняетъ ее. При томъ, онъ хочетъ жениться на особѣ не царскаго происхожденія. Это не подобаетъ принцу. Я буду противъ этого.

— Прощу васъ быть осторожнѣе, государь, отвѣчалъ я, и не забывать, что и я женатъ не на коронованной особѣ. Но, хотя она не носитъ титула великой княгини, однако Императоръ и матушка относятся къ ней, какъ къ невѣсткѣ и дочери; я горжусь своимъ выборомъ и радуюсь ему.

— Но вѣдь это—большая разница, сказалъ король, взявъ меня за руку, въ знакъ извиненія.

— Не будемъ говорить о разницѣ, государь, и разъ навсегда прекратимъ этотъ разговоръ; у насъ не смотрятъ на подобнаго рода браки съ той точки зрѣнія, какой держатся на этотъ счетъ въ Германіи.

— Да, возразилъ король, я—нѣмецъ и горжусь этимъ.

— И отлично дѣлаете, возразилъ я; каждый долженъ дорожить страной, въ которой онъ родился волею судьбы.

Затѣмъ разговоръ коснулся членовъ королевской семьи, и я позволилъ себѣ спросить короля, куда онъ думаетъ опредѣлить братьевъ великой княгини.

— Они въ Тюбингенскомъ университетѣ, сказалъ онъ.

— Развѣ ваше величество не боитесь пагубнаго вліянія университетскихъ взглядовъ?

— Полноте, возразилъ король, это пустыя рассказы; и хочу, чтобы мои племянники были людьми, и чтобы они смолоду знали людей.

Мы обѣдали у принца Оранскаго. Когда великая княгиня и моя жена удалились въ свои покои, разговоръ коснулся современнаго состоянія Европы. Король высказалъ вновь тѣ принципы, за которые его совершенно справедливо осуждали союзные монархи, и въ отношеніи которыхъ онъ, казалось, съ тѣхъ поръ измѣнился. Чтобы прекратить этотъ тягостный разговоръ, который могъ, какъ мнѣ казалось, дать поводъ къ неприятнымъ объясненіямъ, я спросилъ короля, что побудило его избрать для купанья въ морѣ окрестности Марселя, почему онъ не поѣхалъ въ Діеппъ или Доберанъ? Какое дѣйствіе оказываетъ купанье въ морѣ, и какъ оно повліяло на его здоровье?

Король распространился о томъ, что морскія купанья укрѣпляютъ здоровье, что многіе отдають предпочтеніе Средиземному морю, что ему хотѣлось избѣжать представительства и стѣснительнаго этикета и т. д.

— По правдѣ сказать, продолжалъ онъ, я предполагалъ вначалѣ отправиться въ Италію, но такъ какъ послѣднее время отъ меня все скрываютъ, то я повѣрилъ слуху, что въ Италіи соберется конгрессъ монарховъ, а такъ какъ мнѣ было сказано, что я—неподходящая компанія для конгресса (*que j'étais de trop mauvaise compagnie pour un congrès*) (король произнесъ эти слова съ иронической улыбкой), и я боялся неприятностей, которымъ я могъ бы подвернуться, находясь вблизи отъ конгресса, то мнѣ поневолѣ пришлось избрать другое мѣсто.

Я ничего не отвѣтилъ на этотъ довольно прямой намекъ, и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Вскорѣ король заговорилъ о князѣ Меттернихѣ и сталъ смѣяться надъ его пребываніемъ въ Іоганисбергѣ и надъ тѣмъ, какъ онъ себя тамъ держалъ.

— Этотъ человекъ, котораго я видѣлъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, сказалъ онъ, котораго подозрѣвали, поносили, надъ которымъ издѣвались, сталъ въ настоящее время самымъ выдающимся человекомъ, руководителемъ судебъ Европы и т. д.

— По моему мнѣнію, отвѣчалъ я, несомнѣнно, что Меттернихъ оказалъ правому дѣлу существенную услугу въ томъ отношеніи,

что онъ первый указалъ монархамъ на необходимость подавить революціонный духъ, который открыто охватилъ Германію.

— Какъ, возразилъ король, развѣ и вы принадлежите къ числу лицъ, принимающихъ мечтанія и увлеченія молодежи за заговоры? Нѣмецкій народъ не бунтуетъ; это несовмѣстимо съ его правами, съ его мирными и трудолюбивыми наклонностями; съ этой стороны никогда не будетъ никакой опасности.

Я замѣтилъ на это, что послѣднее время мы видѣли примѣры, свидѣтельствующіе о томъ, что въ самомъ сердцѣ Германіи не только проповѣдывались, но проводились на дѣлѣ самыя преступныя ученія, которыя находили тамъ приверженцевъ, и что отъ народа, который поддается самой отчаянной деморализаціи, можно всего ожидать; комиссія, заседающая въ Майнцѣ, собрала на этотъ счетъ массу неопровержимыхъ доказательствъ, не говоря уже о пропекахъ, обнаруженныхъ благодаря бдительности нѣкоторыхъ правительствъ.

— Миѣ нечего бояться всего этого въ моей странѣ, сказалъ король, такъ какъ я выполнилъ свои обязательства. Я обѣщаль дать конституцію, я ее и далъ и намѣренъ соблюдать впродолженіе; слово мое свято. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто поступаетъ иначе.

Принцъ Оранскій и я замѣтили на это, что коль скоро король далъ слово, то онъ конечно прекрасно дѣлаетъ, что держитъ его, но на все есть предѣлъ, и нѣтъ той вещи, которой нельзя было бы злоупотребить. Душою невольно овладѣваетъ страхъ при мысли, что будетъ съ міромъ лѣтъ черезъ десять, если пагубная доктрина будутъ проповѣдываться и впродолженіе, и молодые люди, которые почерпнутъ подобные взгляды въ университетѣ, займутъ въ Европѣ большую часть военныхъ и гражданскихъ мѣстъ; быть можетъ, продолжалъ я, нѣкоторые люди на это именно и рассчитываютъ.

Такъ какъ послѣднія слова были произнесены мною съ особымъ удареніемъ, то король отвѣтилъ на это только многозначительной улыбкой.

— Впрочемъ, сказалъ онъ, продолжая начатый разговоръ, я управляю страной согласно съ закономъ и обычаемъ и, опираясь на нихъ, считаю себя могущественнѣе тѣхъ деспотовъ, которые мѣняють при всякомъ удобномъ случаѣ свои убѣжденія и взгляды, опровергаютъ сегодня то, что они говорили вчера, самовольно нарушаютъ свои обѣщанія и предпочитаютъ закону произволъ.

Я не мѣшалъ королю высказаться, но далъ себѣ слово отвѣтить на его рѣзкую выходку впоследствии.

— Я не боюсь князя Меттерниха, продолжалъ король, какъ мой сосѣдъ, великій герцогъ Баденскій, къ которому австрійскій

посланникъ г. де-Груби входилъ безъ спроса во время засѣданій совѣта, чтобы продиктовать ему приказанія, данныя Меттернихомъ.

— Трудно повѣрить, сказалъ я, чтобы г. де-Груби до такой степени не соблюдалъ приличій, но можетъ быть онъ васъ стѣсняетъ потому, что онъ слишкомъ пристально слѣдитъ за вами, и что его постоянное наблюденіе довольно неудобно.

Я имѣлъ случай видѣть г. де-Груби въ Эмсѣ, гдѣ онъ лечился. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе порядочнаго человѣка съ хорошими принципами.

Сдѣлавъ видъ, что я что-то припоминаю, я обратился къ королю и сказалъ:

— Ваше величество уволили со службы моего стараго знакомаго, г. Вагенгейма, котораго я знавалъ въ бытность его кураторомъ въ Тюбингенѣ.

— Это негодяй! отвѣчалъ король; онъ провинился лично передо мною; я назначилъ на его мѣсто г. Тротта.

— Этотъ Троттъ пользуется довольно сомнительной репутаціей, замѣтилъ принцъ Оранскій.

— Я знаю, возразилъ король, что ему ставятъ въ вину его преданность Жерому, но это—человѣкъ порядочный, и я его поддерживаю. Въ 1815 и 1816 г.г. многимъ ставилась въ заслугу ихъ преданность Наполеону; теперь это самое ставится имъ въ вину.

— А куда дѣвался Винцингероде, Ваше Величество?

— Это негодяй, сказалъ король; онъ вздумалъ дѣлать заявленія моимъ министрамъ, безъ моего на то разрѣшенія; онъ провинился передо мною; я его уволилъ въ отставку.

— Какъ, ваше величество, вы покарали того и другого такъ строго безъ суда? Можетъ быть они могли бы оправдаться.

— Да, отвѣтилъ король, если бы я ихъ отдалъ подъ судъ, они нашли бы, разумѣется, защитниковъ и сторонниковъ готовыхъ оправдать ихъ.

— Такъ вотъ какъ вы уважаете законъ и общественное мнѣніе страны, ваше величество, вотъ какъ вы боитесь произвола и управляете согласно данной вами конституціи. Послѣ этого позвольте мнѣ думать, что ваша власть не такъ велика, какъ вы даете понять. Какъ вы полагаете, развѣ изъ вашихъ поступковъ нельзя заключить, что Вагенгеймъ и Винцингероде могли бы оправдаться, доказавъ, по чьему повелѣнію они дѣйствовали, что они только случайныя жертвы вашей политики, и что вы втайнѣ утѣшаете ихъ за временную опалу подарками и обѣщаніями?

Король помолчалъ и, казалось, былъ смущенъ; наконецъ онъ промолвилъ:

— Вы, какъ я вижу, все также вспыльчивы.

— Не знаю, ваше величество, такъ ли я вспыльчивъ, но вы позволили мнѣ высказаться, и я воспользовался этимъ, не нарушая, какъ мнѣ кажется, правилъ приличія; если бы вы пожелали говорить со мною только какъ монархъ, то я слушалъ бы васъ стоя и не возражая.

Принцъ Оранскій, принимавшій участіе въ разговоръ, говорилъ все время здраво, сдержанно и въ одномъ духѣ со мною; но мнѣ кажется, что умъ короля Виртембергскаго и его взгляды до извѣстной степени подкупили его. Этимъ, приблизительно, ограничивались наши разговоры на политическія темы, и мы вскорѣ разстались.

Обдумавъ хорошенько все сказанное, я невольно пришелъ къ убѣжденію, что король Виртембергскій едва-ли чуждъ проискамъ нѣмецкихъ либераловъ, которые превозносятъ его при всякомъ удобномъ случаѣ. Швабія, по своему положенію, является, совершенно естественно, промежуточнымъ пунктомъ, между Германіей, Швейцаріей и Италіей.

Либералы съумѣли извлечь изъ этого пользу, и король, благодаря своей популярности среди нихъ, льститъ себя, быть можетъ, надеждою, что если бы началось движеніе, то онъ очутился бы во главѣ передовыхъ борцовъ и могъ бы, слѣдовательно, руководить ихъ дѣйствіями сообразно своимъ интересамъ.

Говоря объ Эмсѣ, я долженъ сказать вашему величеству въ заключеніе, что герцогство Нассаусское управляется повидимому недурно. Населеніе довольно, хотя герцогъ наложилъ на него, послѣднее время, совершенно произвольно, натуральную повинность для сооруженія шоссе, которое идетъ, по большей части, по скаламъ; шоссе это великолѣпно.

Строевое ученіе, на которомъ я присутствовалъ близъ Висбадена, производилось совмѣстно пѣхотой и артиллеріей повзводно, очень отчетливо; войско хорошо обучено и несетъ службу добросовѣстно. Такъ какъ жена моя, пробывъ въ Эмсѣ пять недѣль, окончила курсъ леченія, то мы должны были отправиться въ Дрезденъ, чтобы посоветоваться съ врачомъ и рѣшить, что дѣлать далѣе“.

По пути въ Дрезденъ Великій Князь остановился на два дня въ Майнцѣ, гдѣ присутствовалъ на ученіи войскъ гарнизона, гдѣ несли службу, совмѣстно два австрійскихъ и четыре прусскихъ баталіона.

Особенно благопріятное впечатлѣніе произвели на Великаго Князя австрійцы, съ которыми, по его отзыву, прусскіе солдаты, походившіе скорѣе на рекрутъ, нежели на образцовыхъ солдатъ, не могли выдержать никакого сравненія; хотя пруссаки были прекрасно вы-

муштрованы и обучены, но, по отзыву великаго князя, „у австрійцевъ все было изящнѣе, изысканнѣе“.

Особенное вниманіе Великаго Князя обратила состоявшая при полку школа кадетъ или подпрапорщиковъ; „въ ней было приблизительно 52 воспитанника, принадлежавшихъ по большей части къ самымъ знатнымъ фамиліямъ сѣверной Германіи, каковы Бентгеймы, Куденгавы. Изъ нихъ многіе, владѣя помѣстьями въ Пруссіи, стараются несмотря на это опредѣлять своихъ дѣтей на австрійскую службу. Школа содержится образцово, молодые люди прекрасно воспитаны и получаютъ тщательное теоретическое образованіе. Побееѣдовавъ съ ними, говоритъ Великій Князь, я замѣтилъ съ удовольствіемъ, что, привыкнувъ смотрѣть на императора австрійскаго, какъ на главу германскихъ принцевъ, они считаютъ, что служа ему, они служатъ своей странѣ“.

Осматривая крѣпость, Великій Князь былъ, между прочимъ, пораженъ огромнымъ количествомъ хранившихся тамъ боевыхъ припасовъ; его увѣряли, что французы оставили тамъ такое огромное количество боевыхъ снарядовъ, которое могло быть оцѣнено въ 40 милліоновъ.

Не считая орудій, стоявшихъ на крѣпостныхъ валахъ, въ складахъ хранилось 782 орудія. Тутъ были орудія всѣхъ странъ, даже испанскія.

„Но я могу сказать вашему императорскому величеству съ особеннымъ удовольствіемъ, добавляетъ Константинъ Павловичъ, что я не видѣлъ тутъ ни одного русскаго орудія“.

„Въ Майнцѣ мѣстные власти оказали мнѣ самое утонченное вниманіе и были предупредительны безъ низкопоклонства. Комендантъ крѣпости генераль-маіоръ Мюффлингъ, бывшій въ послѣднюю кампанію подъ моимъ начальствомъ, командуя въ то время вторымъ гвардейскимъ полкомъ, съ которымъ я имѣлъ случай бесѣдовать, между прочимъ, объ организаціи прусскаго войска, говорилъ мнѣ, со слезами на глазахъ, что ежели Пруссія будетъ упорствовать на своей системѣ трехгодичной службы, то у нея скоро не будетъ арміи; лучшіе офицеры, измученные каторжной работой, которую они несутъ безъ отдыха и безъ всякой видимой пользы, выходятъ въ отставку; въ арміи не успѣваютъ образовывать унтеръ-офицеровъ; ни одинъ солдатъ, отслуживъ въ пѣхотѣ положенные три года, не остается на вторичный срокъ. Дѣло дошло до того, что въ двухъ полкахъ, несущихъ гарнизонную службу, въ Майнцѣ, не хватаетъ по 86 унтеръ-офицеровъ въ полку и ихъ не откуда взять“.

Изъ Майнца Великій Князь продолжалъ путь черезъ Франкфуртъ на Майнъ, Фульду и Гессенскія владѣнія; тутъ его поразила нена-

висть, съ какою населеніе относилось къ курфюрсту, который обременялъ своихъ несчастныхъ подданныхъ всевозможными налогами и поборами.

„Объ этомъ говорятъ рѣшительно всѣ“, отмѣчаетъ Великій Князь, даже когда объ этомъ не спрашиваешь. Впрочемъ, прибавляетъ онъ, „курфюрсть, кажется, не заблуждается на счетъ тѣхъ чувствъ, которыя онъ внушаетъ, ибо онъ никогда не выѣзжаетъ иначе, какъ въ сопровожденіи отряда жандармовъ. Двое жандармовъ сидятъ на козлахъ его кареты, двое стоятъ на запяткахъ и по одному у дверей экипажа. Всѣ они вооружены и держатъ наготовѣ ружья.

Герцогство Гота пользуется благосостояніемъ; жители благословляютъ свое правительство и живутъ въ довольствѣ. Царствующій герцогъ страдаетъ надучей болѣзнью, и такъ какъ онъ временами теряетъ способность говорить, то онъ не принимаетъ никакого участія въ управленіи. Фактически управляетъ регентство, въ составъ котораго входятъ представители главныхъ семей; такимъ образомъ это почти республика. „Недовольные“ дѣлаютъ изъ этого выводъ въ пользу проповѣдуемыхъ ими принциповъ.

„Видите, говорятъ они, мы можемъ обойтись безъ вашихъ деспотовъ; самыя счастливыя страны тѣ, гдѣ ихъ нѣтъ“.

Еще до пріѣзда въ Эрфуртъ, мнѣ было извѣстно объ арестѣ маіора Ферентейля, пруссака, начальника инженеровъ этой крѣпости. Меня посѣтилъ генераль Лебель, исполняющій должность коменданта въ отсутствіи генерала Янова, вызваннаго въ Берлинъ; говоря со мною объ этомъ происшествіи, онъ выразилъ опасеніе что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны многіе офицеры, присовокупивъ, что зловредныя доктрины распространяются быстро, и что съ ними слѣдуетъ бороться, пока не поздно.

Злонамѣренныя люди довольно удачно избрали Эрфуртъ центромъ для своей агитаціи. Этотъ городъ, находясь въ центрѣ германскаго союза, близъ Тюрингенскаго лѣса, подлѣ владѣній наиболее слабыхъ принцевъ, дѣйствительно болѣе всего подходитъ для этой роли.

Герцогство Веймарское показалось мнѣ чрезвычайно унылымъ, хотя я не могу сказать опредѣленно, что именно вызываетъ это впечатлѣніе. Я замѣтилъ съ прискорбіемъ, что при дворѣ только и говорили о событіи, случившемся въ Кобургѣ, которое давало поводъ къ крайне дурного тона шуткамъ относительно царствующаго тамъ дома. Объ этомъ прискорбномъ событіи говорили съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ, какъ о какомъ-то торжествѣ, по поводу котораго надобно радоваться, не думая о томъ, что въ наше время нѣмецкимъ принцамъ болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдовало бы внушать подданнымъ уваженіе къ себѣ и преданность, которыя осно-

вывались бы на ихъ личныхъ качествахъ, а не на вынужденномъ проявленіи внѣшняго повиновенія и подчиненія. Предаваясь исключительно самымъ легкомысленнымъ забавамъ, каковы охота и музыка, или постыднымъ слабостямъ, имъ не удастся долго сохранить власть, которую, при современныхъ взглядахъ и всеобщей нелюбви къ нимъ, они могутъ постепенно утратить“.

Наблюденія, сдѣланныя Великимъ Княземъ въ Лейпцигѣ, еще болѣе убѣдили его въ томъ, что ненависть народа къ германскимъ принцамъ была очень сильна.

„Особенной ненавистью пользуются гессенскіе принцы, нишеть онъ, изъ коихъ одного, курфюрста, ненавидятъ за строгость и произволь, а другого, великаго герцога Дармштадтскаго, за неиростительную безпечность; онъ бросаетъ, напр., государственныя дѣла, чтобы присутствовать на спектаклѣ, или чтобы дирижировать своимъ опернымъ оркестромъ, или ради какихъ-либо иныхъ, столь же легкомысленныхъ занятій, несомѣстимыхъ съ достоинствомъ и заботами правителя. Все, что говорилось по этому поводу во всеуслышаніе и за табльдотомъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Нѣкоторыя лица, выдавшія меня поутру, узнавъ меня, говорили: этотъ князь доступенъ, онъ говоритъ со всѣми, вездѣ бываетъ, появляется на улицахъ, и никому не придетъ въ голову отнестись къ нему съ неуваженіемъ, но если бы одинъ изъ гессенскихъ принцевъ вздумалъ появиться такъ, то ему плюнули бы въ лицо.

Что касается настроенія общества по отношенію къ Пруссіи, которое я подмѣтилъ въ Кобленцѣ и другихъ мѣстахъ, то надобно сказать, что среди жителей Прирейнскихъ и Приэльбскихъ провинцій замѣтно сильное нерасположеніе къ прусскому правительству: одни сожальютъ о французскомъ управленіи, потому что, будучи причислены къ обширному и могущественному государству, они составляли одну компактную массу, пользовались всѣми его преимуществами и его превосходствомъ, тогда какъ въ настоящее время они представляютъ изъ себя лишь разрозненныя частыцы государства, менѣе могущественнаго и, слѣдовательно, болѣе бѣднаго; другіе не могутъ утѣшиться по поводу того, что они отторгнуты отъ Саксоніи и отъ отеческаго, мудраго и кроткаго управленія короля и подпали подъ иго тяжелой фискальной администраціи“.

Въ Лейпцигѣ великій князь осмотрѣлъ историческое поле битвы, гдѣ и въ то время исчезли уже всѣ слѣды бывшаго тутъ сраженія народовъ; изъ-за пашней и домовъ, которые появились на бывшемъ полѣ битвы, трудно было ориентироваться; нѣсколько ядеръ, оставленныхъ нарочно въ возстановленныхъ стѣнахъ, были единственными свидѣте-

лями историческаго событія, и говорили о бѣдствіяхъ, причиненномъ кровопролитнѣйшимъ изъ сраженій.

Въ Дрезденѣ, при дворѣ престарѣлаго Фридриха Августа, великому князю былъ оказанъ самый радушный любезный пріемъ.

„Король—истинный патріархъ своей семьи, пишетъ Константинъ Павловичъ; это олицетвореніе всѣхъ личныхъ и общественныхъ добродѣтелей, которыя могутъ сдѣлать честь человѣку и монарху. Во время моего пребыванія въ Дрезденѣ, самое изысканное вниманіе ко мнѣ и любезность со стороны короля и всего его семейства не прерывались ни на минуту. Я не рассчитывалъ видѣть Кенигштейнъ и даже не хотѣлъ просить на то позволенія, зная, что доступъ въ крѣпость строго воспрещенъ и что когда, въ прошломъ году, принцъ Вильгельмъ прусскій, сынъ короля, выразилъ желаніе осмотрѣть ее, то ему было въ этомъ отказано. Но король былъ такъ добръ, что самъ предложилъ мнѣ поѣхать туда, на что я согласился съ признательностью. Онъ прислалъ мнѣ придворныхъ лошадей, и военный министръ, генералъ Цехау, самымъ подробнымъ образомъ показалъ мнѣ все, что я выразилъ желаніе осмотрѣть. Я видѣлъ прекрасныя укрѣпленія и все, что природа и искусство, вмѣстѣ взятыя, могутъ представить въ этомъ отношеніи самаго замѣчательнаго.

Вскорѣ пріѣхалъ ко мнѣ въ Дрезденъ великій князь Николай Павловичъ. При дворѣ ему было оказано такое же вниманіе, какъ и мнѣ. Узнавъ, что онъ начальникъ корпуса инженеровъ, король предложилъ и ему осмотрѣть Кенигштейнъ и при этомъ сказалъ мнѣ:

„Такъ какъ вы уже видѣли крѣпость, и такъ какъ мои лѣта не позволяютъ мнѣ ѣхать туда, то я прошу васъ показать ее Его Императорскому Высочеству“.

Пріѣхавъ въ Кенигштейнъ, мы уже застали тамъ принцевъ Фридриха и Іоанна, которые насъ ожидали, чтобы принять насъ. Съ ними былъ и принцъ Леопольдъ Кобургскій.

Мнѣ остается еще изложить свои наблюденія относительно нѣмецкихъ студентовъ.

Во-первыхъ, надобно замѣтить, что за исключеніемъ Бреславля, я встрѣтилъ, во время моей поѣздки, не болѣе тридцати человѣкъ въ нѣмецкомъ платьѣ, какъ это бывало вездѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Всѣ студенты, коихъ я встрѣтилъ, были очень вѣжливы и почтительны; они сторонились, чтобы дать мнѣ дорогу, и поспѣшно снимали свои шапочки или шляпы. При выѣздѣ моемъ изъ Кобленца, когда я ѣхалъ въ коляскѣ со своимъ адъютантомъ въ полной парадной формѣ, при эполетахъ, трое студентовъ, одѣтыхъ въ нѣмецкое платье, выстроились даже въ рядъ по шоссе и поклонились

мнѣ самымъ вѣжливымъ образомъ; само собою разумѣется, я отдалъ имъ поклонъ. Я слышалъ, что студенты Галле, Іены, Геттингена и Лейпцига условились повиноваться какому-то лозунгу, который повелѣваетъ имъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ держаться однообразнаго поведенія и языка. Я никакъ не могъ узнать, откуда именно исходятъ эти дневные приказы, и гдѣ помѣщается тотъ главный штабъ, откуда они исходятъ; несомнѣнно однако, что онъ существуетъ. Я слышалъ, что изъ этого источника имъ было предписано оказывать мнѣ, во всѣхъ случаяхъ, полное уваженіе.

Въ Бреславлѣ на улицѣ можно видѣть самые экстраординарные костюмы. Я имѣлъ случай наблюдать это въ особенности въ мой предъидущій проѣздъ черезъ этотъ городъ, который совпалъ съ празднованіемъ тезоименитства короля прусскаго, 3 августа н. ст. По случаю этого торжества, улицы были болѣе оживлены, чѣмъ обыкновенно. Помимо нѣмецкаго платья, студенты придумали другое одѣяніе, еще болѣе смѣшное, на подобіе греческаго; они называютъ тѣхъ, кто носитъ этотъ костюмъ, „Колокотрони“. Манеры ихъ отличаются величайшей непочтительностью или, я сказалъ бы, дерзостью.

Въ Бреславлѣ я былъ пораженъ и опечаленъ при видѣ военныхъ. Офицеры одѣты съ величайшей небрежностью, ходятъ по улицѣ въ разстегнутомъ мундирѣ или сюртукѣ, безъ эполетъ и зачастую даже безъ шпаги; солдаты, по примѣру начальства, также не соблюдаютъ приказа. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что рядовые и офицеры почтительны и вѣжливы въ отношеніи постороннихъ. Что касается ученья, то прискорбно видѣть, что оно совершается самымъ небрежнымъ образомъ“.

Во время пребыванія Великаго Князя Константина Павловича въ Дрезденѣ тамъ былъ арестованъ извѣстный французскій философъ и ученый, Кузенъ, совершавшій путешествіе по Германіи, которое окончилось для него столь печально. Онъ былъ заподозрѣнъ въ принадлежности къ партіи карбонаріевъ, былъ арестованъ прусскимъ правительствомъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ полгода и былъ освобожденъ только по ходатайству Гегеля.

Въ запискѣ Великаго Князя находимъ нѣкоторыя подробности, касающіяся ареста этого ученаго.

„За нѣсколько дней до моего отъѣзда въ Варшаву, куда я отправился на свиданіе съ Великимъ Княземъ Михаиломъ, прусскій посланникъ при дрезденскомъ дворѣ, Іорданъ, явился ко мнѣ и сообщилъ, что, въ виду отсутствія русскаго посланника Ханькова, (который отправился въ Лейпцигъ, чтобы присутствовать при проѣздѣ Великой Княгини Маріи Павловны), онъ счелъ долгомъ довести до моего свѣдѣнія о приказѣ, имъ полученномъ отъ своего

правительства, коимъ ему повелѣвалось просить у саксонскаго правительства разрѣшеніе арестовать и выслать нѣкоего Кузена, по происхожденію француза, писателя, проживающаго въ Дрезденѣ и скомпрометтированнаго показаніями нѣкоего Витта, содержащагося подъ арестомъ по приказанію графа Бернсдорфа. Мнѣ были сообщены, въ свое время, первоначальныя показанія этого Витта, но я не могъ припомнить, находилось ли имя Кузена въ числѣ тѣхъ лицъ, на которыхъ онъ доносилъ. Г. Гюрданъ сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ привести въ исполненіе приказаніе своего правительства и счелъ долгомъ довести о томъ до моего свѣдѣнія; я поблагодарилъ его за этотъ знакъ довѣрія, вполне соответствующій, впрочемъ, характеру отношеній, установившихся между обоими правительствами.

Желая разузнать, что за человекъ этотъ Кузенъ, я поручилъ прослѣдить за нимъ одному лицу, который нашелъ случай вступить съ нимъ въ разговоръ.

Мнѣ было извѣстно, что г. Кузенъ пріѣхалъ въ Дрезденъ съ молодыми Монтебелло¹⁾, изъ коихъ старшій считается женихомъ дѣвicy Жеребцовой, внучки князя Лопухина, которая также пріѣхала недавно въ Дрезденъ со своей матерью. Поэтому, г. Кузенъ былъ у всѣхъ на виду, и его часто можно было встрѣтить въ обществѣ и въ публичныхъ мѣстахъ, и моему довѣренному лицу нетрудно было познакомиться съ нимъ. Между ними завязался разговоръ, и они условились однажды отправиться на прогулку въ долину, находящуюся въ разстояніи одной версты отъ Дрездена, чтобы побесѣдовать тамъ на свободѣ.

Поговоривъ о томъ, о семъ, они завели рѣчь о политикѣ и о современномъ положеніи Германіи.

— Я не занимаюсь болѣе политикой, сказалъ Кузенъ: я усталъ, но я долженъ сознаться, что Германія находится въ самомъ жалкомъ состояніи; это—испорченная машина, которая не можетъ долѣе дѣйствовать; посмотрите—какіе монархи управляютъ ею.

— Но, замѣтилъ его собесѣдникъ, Саксонія управляется превосходно.

— Да, отвѣчалъ Кузенъ, Саксонія пользуется нѣкоторымъ благосостояніемъ: король управляетъ ею мудро, какъ отецъ, но онъ стоитъ уже одной ногой въ могилѣ и не можетъ долго царствовать; въ общемъ, Германія напоминаетъ поношенное платье, требующее починки.

¹⁾ Послѣ 1820 г., когда катедра философіи въ Сорбоннѣ, которую занималъ Кузенъ, была упразднена, онъ вынужденъ былъ принять должность наставника у герцога Монтебелло.

— Вы готовы сравнить ее съ ветошью, сказалъ его собесѣдникъ.

— Что дѣлать, возразилъ Кузень: приходится довольствоваться ветошью, когда не имѣешь новаго; только одинъ монархъ можетъ выполнить дѣло крупной реформы,—это король Виртембергскій, на него можно было бы положиться.

Вотъ, приблизительно, все, что было сказано интереснаго во время этой бесѣды; вскорѣ послѣ этого г. Кузень былъ арестованъ.

По возвращеніи моемъ изъ Варшавы, я узналъ, къ величайшему моему изумленію, что арестъ г. Кузена вызвалъ въ средѣ самого прусскаго правительства нѣкоторое разногласіе.

Оказывается, приказъ объ арестѣ г. Кузена былъ данъ Іордану Шукманомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, безъ вѣдома Ансильона, временно управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, который былъ этимъ обиженъ и сдѣлалъ Іордану запросъ, по чьему приказанію это было сдѣлано. Послѣдній сослался на министра внутреннихъ дѣлъ, который въ свою очередь долго не давалъ отвѣта министерству иностранныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, прусскій посланникъ получилъ также запросы и указанія отъ г. Камца, начальника полиціи, и отъ князя Витгенштейна, управляющаго королевской главной квартирой; слѣдовательно, въ это дѣло вмѣшивались и имъ руководили, безъ сомнѣнія сообразно со своими собственными взглядами, четыре лица, находившіеся въ Берлинѣ.

„Ваше Императорское Величество усмотрите въ этомъ обстоятельствѣ новое доказательство царствующаго въ прусскомъ министерствѣ отсутствія единства, благодаря чему ни одно, сколько-нибудь важное дѣло не рѣшается тамъ быстро и однообразно.

„Таковы, Государь, въ точности наблюденія, сдѣланныя мною во время моего пребыванія въ Германіи, и которыя я повергаю къ стопамъ Вашего Величества; быть можетъ, они привлекутъ на минуту вниманіе Ваше и будутъ приняты съ тою снисходительностью, къ которой Ваше Величество меня пріучили“.

В. Тимошукъ.

